

Владимир Александрович ШУЛДЯКОВ —
кандидат исторических наук, доцент,
докторант кафедры дореволюционной
отечественной истории
Омского госуниверситета

УДК 947+957

СЕПАРАТИЗМ АТАМАНА Г. М. СЕМЕНОВА И КАЗАЧЕСТВО
(ноябрь 1918–май 1919 гг.)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается казачий аспект дальневосточного сепаратизма, роль в конфликте атамана Г. М. Семенова с Верховным правителем казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока А. В. Колчаком. Документальной базой послужили материалы Чрезвычайной следственной комиссии и мемуары ее председателя генерала Г. Е. Катанаева.

The article deals with the Cossack aspect of the Far East separatism, the role of the Cossack Armies of the Urals, Siberia and the Far East in the conflict of Ataman G. M. Semenov with the Head Governor A. V. Kolchak. The data of the Extraordinary Investigating Committee and the memoir of its chairman General G. E. Katanaev served as the documental basis.

Казачий сепаратизм и атаманщина стали важными причинами поражения Белого движения. Без их изучения невозможно объективно ответить на один из важнейших для нашего исторического сознания вопросов: «Почему проиграли белые и победили красные?» На Востоке России самым заметным проявлением атаманщины был режим, существовавший в 1918–1920 гг. в Забайкалье. Наиболее изученным аспектом семеновского сепаратизма является читинский инцидент, т. е. конфликт между атаманом Г. М. Семеновым и Верховным правителем А. В. Колчаком [1]. Современные исследователи рассматривают его как конфликт центральной власти с одной из окраин в контексте японо-американских и японо-европейских противоречий. Событийный ряд инцидента можно считать в целом восстановленным. Выводы же о причинах и последствиях конфликта остаются дискуссионными. До конца не ясно значение внешнего фактора: был Семенов союзником японцев или их марионеткой? Ответить на этот вопрос без открытия японских источников невозможно. Неверно оцениваются результаты работы в Чите следственной комиссии Г. Е. Катанаева. Как правило, историки повторяют официальную точку зрения Омского правительства мая 1919 г., игнорируя мемуары самого Г. Е. Катанаева, извлеченные из его личного фонда в Госархиве Омской области [2] и опубликованные еще в 1989 г. [3] Читинский историк В. И. Василевский пришел к заключению: «Комиссия, как и следовало ожидать, не нашла в действиях Семенова состава преступления, и ее выводы позволили Колчаку уступить» [4]. Такую приверженность «семеновской» традиции можно объяснить лишь отсутствием комплексного изучения источников. Дальневосточные исследователи, владея своим региональным материалом, мало используют документы федеральных архивов, в частности фонд катанаевской комиссии (Р-178) в Государственном архиве Российской Федерации.

Казачество априори рассматривается как главная опора семеновщины. В действительности, серьезное изучение социальной базы режима впереди. Дальше продвинулось изучение ее «инородческой» составляющей, а также роли Г. М. Семенова в панмонгольском движении [5]. Взаимоотношения же атамана с забайкальским казачеством, а также с другими казачьими войсками Урала, Сибири и Дальнего Востока — до сих пор «белое пятно». Между тем, вопрос, можно ли считать сепаратизм атамана Семенова казачьим, отнюдь не риторический.

Есаул Г. М. Семенов, сам создавший русско-инородческий «Особый Маньчжурский отряд» (ОМО), хоть и принял от управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата чин войскового старшины, проводил весной — летом 1918 г. собственную линию, лавируя и пытаясь использовать в своих целях разные русские политические группировки. Деньги на содержание ОМО ему удавалось получать напрямую от союзников: сначала французов, потом японцев [6].

Попытки Семенова самостоятельно завоевать Забайкалье не увенчались успехом, ОМО был отброшен в Китай. Забайкальская область была очищена от красных благодаря пришедшим с запада чешско-сибирским войскам полковника Р. Гайды. 26 августа 1918 г. Читу заняли повстанцы станицы Титовской, а на следующий день в нее прибыли эшелоны Гайды. Казаки-титовцы и вышедшая из подполья офицерская организация образовали Титовский полк, который сразу же включился в боевые действия [7]. Забайкалье оказалось в сфере влияния Временного Сибирского (омского) правительства. К власти был возвращен свергнутый большевиками войсковой атаман полковник В. В. Зимин, под руководством которого начались восстановление Забайкальского казачьего войска и подготовка к призыву молодых казаков срочной службы [8].

ОМО, вновь перейдя русскую границу, успел продвинуться лишь до ст. Оловянной, где 31 августа встретился с частями Средне-Сибирского корпуса полковника А. Н. Пепеляева. Семенов мечтал о своем победоносном шествии по России, известие о занятии Читы другими ошеломило его [9]. Теперь, исходя из реального соотношения сил, приходилось идти на компромисс с конкурентами. Семенов согласился признать Временное Сибирское правительство, за что получил от него должность командира 5-го Приамурского армейского корпуса Сибирской армии (10.09.1918) и чин полковника. 6 сентября в Читу были впущены передовые части ОМО, а 14 сентября в город приехал сам Семенов.

Звание «атамана ОМО» Семенов принял сам, чтобы устранить «формальную ненормальность в области существовавшей в отряде иерархии», когда в его подчинении оказались штаб-офицеры и даже генералы [10]. Статус выборного войскового атамана Зимина был выше. С прибытием Семенова в Читу неизбежно вставал вопрос об отношениях атаманов двух разных типов: военного вождя, опиравшегося на вооруженный отряд лично преданных ему людей, и легитимного руководителя исполнительной власти, избранного сословно-представительным учреждением — войсковым кругом. Назначение Семенова командиром 5-го корпуса позволяло ему навязывать Зимину свою волю, что он впервые сделал при назначении комсостава формируемой Забайкальской казачьей дивизии. Ключевые посты в ней оказались у семеновцев, прошедших через ОМО, а «титовцы» были отеснены на задний план [11]. Затем Семенов запретил созыв войскового круга, решительно пресек контакты Зимина с Французской военной миссией по вопросу о формировании ею из казаков-добровольцев особых отрядов, арестовал своего критика генерала И. Ф. Шильникова [12].

Пока никто не претендовал на соби́рание вокруг себя всей России, пока речь шла о формальном подчинении далекому и слабому центру, отношения Семенова с Омском складывались нормально. С избранием на Государственном совещании в Уфе Всероссийской Директории (23.09.1918) ситуация менялась. Семенов с формально-юридической точки зрения являлся лишь командиром корпуса. Введи Директория вместо корпусной окружную систему военно-административного управления (это потом сделал А. В. Колчак), и он сразу бы лишился «почвы». Чтобы сохранить завоеванную власть, дальневосточные атаманы пошли по пути координации усилий, повышения своего статуса и закрепления на «освоенных территориях». Вместо того чтобы присоединиться к Восточному союзу казачьих войск

(Уральское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Енисейское, Иркутское войска), на прошедших в октябре войсковых кругах Амурского и Уссурийского войск они выдвигают идеи создания на Дальнем Востоке особого союза казачьих войск и избрания Г. М. Семенова Походным атаманом Дальневосточных казачьих войск. Этот отдельный казачий союз был оформлен в ноябре 1918 г. личным соглашением между войсковым атаманом Амурского войска И. М. Гамовым, атаманом уссурийцев И. П. Калмыковым и Г. М. Семеновым [13]. Это был стговор, т. к. из троих действительно легитимным атаманом являлся только Гамов. Семенов объявил себя еще и командиром отдельного Дальневосточного (Восточного) казачьего корпуса.

Атаман и Войсковое правление Забайкальского войска, критически относясь к этим явно сепаратистским шагам, установили связь с Восточным казачьим союзом. Первая попытка Семенова взять эти контакты под жесткий контроль не удалась. Войсковое правление успело делегировать в Омск, в казачье совещание при помощнике военного и морского министра по казачьим делам, своего полномочного представителя полковника Я. Г. Лапшакова [14]. Тогда семеновцы нашли иной путь легитимации лидера: посылка по станицам агитаторов и составление общественными сборами приговоров о вхождении в Союз Дальневосточных войск и об избрании Семенова их Походным атаманом.

Началом конфликта с Колчаком стали две телеграммы Семенова в Омск от 23 ноября 1918 г., в которых был ультиматум: в 24 часа избрать Верховным правителем вместо адмирала кого-то из троих генералов: А. И. Деникина, Д. Л. Хорвата или А. И. Дутова, иначе Семенов грозил «автономией всей Восточной Сибири» [15]. Самая же первая претензия Семенова к Верховному правителю была чисто казакофильской. 20 ноября он потребовал отменить суд над исполнителями омского переворота 18 ноября 1918 г. офицерами Сибирского казачьего войска В. И. Волковым, И. Н. Красильниковым и А. В. Катанаевым [16]. В телеграфную пикировку с Семеновым вступил врид войскового атамана Сибирского войска полковник Е. П. Березовский. Особенно резкой была его телеграмма в Читту от 25 ноября: «Именуящему себя походным атаманом Дальневосточных казачьих войск полковнику Семенову. Ваша телеграмма свидетельствует, что вы потеряли равновесие до невменяемости. Оберегая достоинство войска, не считаю возможным продолжать [с] вами дальнейшие сношения» [17].

Было решено использовать против Семенова его показное казакофильство. 1 декабря с обширным посланием обратился к Семенову атаман Оренбургского войска Дутов [18]. Волков, Красильников и Катанаев, за которых так заступался Семенов, уже оправданные по суду, произведенные в следующие чины и едущие в отпуск на Дальний Восток, получили от Колчака поручение при проезде через Читту переговорить с упрямым, «возбудить в нем патриотическое чувство» и склонить его к подчинению. Но успели доехать они только до Иркутска [19].

Благодаря сбоям в передаче шифрованных депеш и в отправке с Дальнего Востока военных транспортов в омских верхах возобладали сторонники решительных действий против Читты. Приказом № 61 от 1 декабря Колчак «за неповиновение, нарушение телеграфной связи и сообщений в тылу армии, что является актом государственной измены», отрешил Семенова от всех должностей, передал 4-й и 5-й корпуса в подчинение генерал-майору В. И. Волкову, которому приказал «привести в повиновение всех неповинующихся верховной власти, действуя по законам военного времени» [20].

Пока Волков в Иркутске собирал отряд, его посланец полковник Красильников пытался уговорить Семенова подчиниться. Тот, однако, заявил, что оскорблен обвинением в измене и сможет признать Колчака лишь после отмены им приказа

№ 61 и только на время — до соединения с Деникиным [21]. 8 декабря Волков двинулся на восток, но в 141 км от Читы, на ст. Мозгон, вынужден был высадить отряд из вагонов. Путь впереди был разобран семеновцами. Затем вмешались японцы, их 7-я дивизия разоружила колчаковцев. Союзники добились от Омска отказа от активных действий, после чего оружие отряду было возвращено, и он вернулся в Иркутск [22]. Тогда Волков направил в Читку «миротворческую миссию» полковника А. В. Катанаева (11–13. 12. 1918) с целью уговорить Семенова поехать в Омск, помириться с адмиралом и принять под команду один из фронтовых корпусов. Но атаман ни на что не согласился, а саму миссию спешно выпроводил назад, обвинив в подрывной агитации [23].

Политическая элита казачьих войск Урала и Сибири занимала твердую проколчаковскую позицию. Представители 4 казачьих войск (Сибирского, Семиреченского, Иркутского, Забайкальского) вошли в «Омский блок», стремившийся стать общественной опорой Колчака [24]. Отдельные казачьи представители пытались брать на себя посреднические функции, например, член Войскового правительства оренбуржцев полковник В. Г. Рудаков, приехавший в Читку 22 декабря. Но 25 декабря совещание полномочных представителей казачьих войск в Омске отвергло его инициативу, заявив, что вести переговоры с человеком, обвиненным в государственной измене, нельзя. А когда совещание узнало об аресте семеновцами команды сибирских казаков, приехавшей в Забайкалье из Иркутска (из конвоя Волкова) за предметами довольствия [25], то 30 декабря от имени 4 казачьих войск (Уральского, Оренбургского, Семиреченского, Забайкальского) направило в Читку «забытому казачью честь атаману» негодующую телеграмму с требованием: «Опомнитесь, искупите свою вину, уйдите в сторону и не губите казачьей семьи, увлекая наших младших братьев — амурцев и уссурийцев, — не мешайте работе нашей в воссоздании Родины» [26].

Семенов опасался, и не зря, что органы войскового самоуправления забайкальцев открыто и безоговорочно встанут на сторону Верховного правителя. Можно предполагать, как среагировали бы они, окажись перед решительным выбором: Семенов или Колчак. Официальный представитель войска в Омске Лапшаков, хоть и просил иногда в общеказачьем совещании употреблять в отношении Семенова «мягкие выражения» [27], но в целом твердо стоял за Колчака. Чтобы обезопасить себя от неожиданностей, Семенов 26 ноября в нарушение прерогативы круга распорядился ввести в состав Войскового правления двух своих ставленников. Зимин это незаконное предписание исполнять отказался [28]. Войсковой атаман и правление были взяты в информационную блокаду, документы и сообщения антисеменовского содержания просто не пропускались военной цензурой. Атаман и правление не видели даже телеграмм самого Семенова от 23 ноября, не говоря уже о приказе № 61 [29]. Питаясь более слухами, войсковые власти не могли сориентироваться в обстановке и, не желая обострения, предпочитали заниматься текущей административно-хозяйственной работой. Семенов же перестал с ними считаться, предпочитая действовать через своих выдвинутых на ключевых постах, через агитаторов и «экспедиционные отряды». Прямо перешли на сторону Колчака атаман 1-го отдела генерал-майор И. Н. Толстихин и 2-й Забайкальский казачий полк полковника Н. Комаровского. Они продержались в Троицкосавске до середины февраля 1919 г. Затем через Монголию ушли в Сибирь. В пути большинство казаков 2-го полка разъехалось по домам. Комаровский с Толстихиным привели в Иркутск до 160 бойцов, в том числе 37 офицеров [30].

На урегулирование читинского инцидента работали многие силы, в том числе интервенты, т. к. японский фактор играл важное, если не определяющее значение. Среди русских большую роль в примирении Омска и Читы сыграл войсковой ата-

ман Сибирского казачьего войска П. П. Иванов-Ринов, назначенный 23 декабря командующим войсками Приамурского военного округа и помощником Верховного уполномоченного Хорвата по военной части. В начале января 1919 г. он провел в Чите неофициальные переговоры с Семеновым, на которых была принята схема урегулирования. В соответствии с достигнутой договоренностью из Омска в Читу направилась Чрезвычайная следственная комиссия для расследования действий полковника Семенова и подчиненных ему лиц, председателем которой был назначен также представитель Сибирского войска генерал-лейтенант Г. Е. Катанаев.

Комиссия работала в абсурдных условиях: семеновцы предоставляли ей только те материалы, которые находили нужными, а обыски для выемки документов сами следователи проводить не могли. Тем не менее, комиссия сделала предварительные выводы, которые изложила в докладе от 23 марта. В зафиксированных фактах нарушения сообщений ей не удалось пока найти признаки измены, но окончательное заключение выносить было рано, т. к. еще предстояло получить сведения из военного министерства и допросить важных свидетелей. Зато обнаружены были преступления иного рода: бунтовщического и сепаратистского характера (систематическое уклонение семеновцев от отправки на фронт, планы атамана передать Монголии часть русского Забайкалья, тайные договоры его с японцами о передаче им золотых приисков). В целом политика Семенова была охарактеризована комиссией как «сепаратистско-авантюристская», «безусловно, антигосударственная и направленная во вред Родине» [31].

В феврале–марте 1919 г. Семенов форсировал кампанию по избранию себя Походным атаманом в забайкальских станицах. Казаки жаловались на семеновских посланцев, которые не стеснялись угрожать карательными отрядами. Атаман 3-го отдела полковник Силинский (Нерчинск) пытался препятствовать агитационной кампании, разослав по станицам отдела инструкцию проколчаковского содержания (назвал адмирала «хозяином земли русской») [32]. Но Семенову удалось собрать приговоры с 71 станицы, и 23 апреля он объявил о присоединении забайкальцев к дальневосточным казакам [33].

Комиссия Г. Е. Катанаева послужила формально-юридическим прикрытием закулисных переговоров, шедших во Владивостоке между японцами, Ивановым-Риновым и Семеновым. Условия соглашения Иванов-Ринов сформулировал в телеграмме Верховному правителю от 29 марта [34]. Омское правительство их приняло. 25 мая Колчак приказом № 136, со ссылкой на «результаты» комиссии Г. Е. Катанаева, отменил приказ № 61, чем реабилитировал атамана [35]. Обвинение в измене было, наконец, снято, и Семенов формально признал Верховного правителя. Это было сохранение статус-кво, завуалированная капитуляция Омска перед Читой и Токио. Но иного выхода у Верховного правителя, исходя из реального соотношения сил на Дальнем Востоке и положения дел на Восточном фронте, не было. Сохранение ключевых постов, в том числе Походного атамана Дальневосточных казачьих войск, позволило Семенову справиться с легальной оппозицией своему курсу в Забайкальском войске. 10 июня 1919 г. 3-м кругом он был избран войсковым атаманом вместо В. В. Зимина, собрав три четверти депутатских голосов [36].

Итак, казаки Урала и Сибири — это государственники, горой стоявшие за Колчака, им некогда было фрондировать, они держали фронт и изнемогали в борьбе. Дальневосточные казачьи войска — в значительной мере сепаратисты, тормозившие возрождение «Единой, Великой и Неделимой России». Но их сепаратизм принципиально отличался от кубанского, например. Самостийность Кубанской рады, представительного органа кубанцев, основывалась на этнокультурном своеобразии и вольноказачьих традициях «черноморцев», потомков запорожских казаков. Семеновский же сепаратизм привнесен сверху, до июня 1919 г. атаман не использовал

органы войскового самоуправления, а игнорировал или подавлял. Не останови японцы продвижение Волкова, и Забайкальское войско в большинстве своем, несомненно, переметнулось бы на сторону Колчака. И тогда Семенову действительно пришлось бы уходить с ОМО в Монголию, о чем он тогда всерьез подумывал [37].

Семеновщина — это сепаратизм, но по своей сути не казачий. Прежде всего, это атаманщина как военный вождизм, зародившийся на основе амбиций, храбрости, антикоммунизма харизматического лидера и приобретший историческое значение со сплочением вокруг него достаточно широкого круга бойцов, собравшихся вместе не столько ради идеи, сколько ради пропитания. Значение «иностранческого» фактора семеновщины не меньше, чем казачьего. Из каких только источников не набирал атаман людей (монголы, буряты, сербы, китайцы, японцы, тунгусы, грузины, татары и т. д.), не смущаясь очевидными отрицательными качествами таких контингентов. Так, Семенова с самого начала предупреждали, что монголы-харачины (хорчины), по сути разбойники, будут не столько воевать, сколько грабить население [38].

Конечно, старались завлечь в ОМО как можно больше казаков, как самый боееспособный элемент. Семеновцы совсем не случайно агитировали по станицам против общего с крестьянами земства. Играли на рефлексе защиты сословных привилегий, противопоставляя казаков крестьянству. Но в войске, в котором в 1917 г. 1-й круг высказался вообще за расказачивание, а 2-й — за общее земство, пропагандой сословной ограниченности вкупе с давлением на общинное самоуправление и белым террором невозможно было увлечь за собой большинство казачества. Среди семеновцев распространено было презрительное отношение к населению. На замечания, что жители недовольны режимом, отвечали: «Наплевать, мы всю эту сволочь перебьем». Во многих местах Забайкалья уже в феврале 1919 г. «бесчинствовали» карательные отряды, возглавляемые «негодными отбросами офицерства» (слова одного из кадровых офицеров), часто нерусские по составу, которые под предлогом борьбы с явными и мнимыми восстаниями пороли жителей сотнями и грабили. Результат — «из деревни часто доносится стон — хуже, чем при большевиках» [39]. Казалось бы, после примирения с Колчаком и избрания войсковым атаманом власть Семенова должна была только упрочиться. Но уже июль 1919 г. можно рассматривать как кризис в отношениях семеновского режима и забайкальского казачества. Ушли к партизанам мобилизованные казаки Акшинского уезда, не забывшие экспедиций харачин «Дикой дивизии» Унгерна. Произошли восстания в первоочередных 1-м и 4-м Забайкальских казачьих полках с переходом нескольких сот казаков на сторону красных. Подобного не было ни в одном казачьем войске. Забайкальское — единственное, давшее в Гражданскую войну красным бойцов больше, нежели белым [40]. В значительной мере это следствие сепаратизма Г. М. Семенова и характера установленного им военно-политического режима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лившиц С. Г. «Верховный правитель» Колчак и атаман Семенов (к истории «семеновского инцидента») // Из истории интервенции и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922. Новосибирск, 1985; Звягин С. П. Верховный правитель А. В. Колчак и атаман Г. М. Семенов: конфликт между центром и региональным лидером и его последствия // Россия на пути реформ: децентрализация и политика регионов. Челябинск, 1995; Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997; Савченко С. Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы Гражданской войны (1918–1919) и поездка атамана А. И. Дутова на Дальний Восток (июнь–август 1919 г.) // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1999; Кручинин А. С. К истории конфликта между А. В. Колчаком и Г. М. Семеновым // История «белой» Сибири. Кемерово, 2001; Перейра Н. Сибирская атаманщина: «Военный вождизм» времен Гражданской войны // Там же; Он же.

- Атаманина и белая власть в Восточной Сибири во время Гражданской войны // Сибирь: XX век. Вып. 3. Кемерово, 2001; Шульдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. Кн. 1. 1917–1920. М., 2004 и др.
2. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 361а. Л. 1-49, 53; Д. 362а. Л. 1-59.
 3. Катанаев Г. Е. В Семеновском царстве (февраль — март 1919 года) // Провинция. Иркутск, 1989. С. 210-325.
 4. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 гг. Чита, 2000. С. 20.
 5. Белов Е. А. Авантюра Семенова (Панмонгольское движение 1919 г.) // Анналы. Вып. 2. М., 1996; Курас Л. В. Атаман Семенов и бурятские военные формирования // Общество и власть. Иркутск, 1997; Он же. Панмонголизм в годы революции и Гражданской войны // Октябрь 1917 года: уроки истории и современность. Кемерово, 1997 и др.
 6. Архив русской революции. Т. IX. Берлин, 1923. С. 298.
 7. Филимонов Б. Б. Белоповстанцы. Кн. 1. Шанхай, 1932. С. 52.
 8. Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973. С. 266–268; Василевский В. И. Указ. соч. С. 16–17.
 9. Красный архив. М., 1934. № 6 (67). С. 145–146.
 10. Атаман Семенов. О себе. М., 1999. С. 149.
 11. Красный архив. 1934. № 6 (67). С. 142; Филимонов Б. Б. Указ. соч. С. 52.
 12. Красный архив. 1928. № 4 (29). С. 206-209; ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 20. Л. 7, 6 об., 13.
 13. Савченко С. Н. Указ. соч. С. 44, 45-46; ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 17. Приложение № 48. Л. 11 об.
 14. ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 20. Л. 5, 15.
 15. Там же. Д. 21. Л. 45–47.
 16. Там же. Л. 55–56.
 17. Там же. Л. 49.
 18. Там же. Л. 51–54; Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. II. Пекин, 1921. С. 41–42.
 19. Там же. Д. 1. Л. 8.
 20. Иртыш. Омск, 1918. № 40. С. 1–2; Гинс Г. К. Указ. соч. С. 37–38.
 21. ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.; Савченко С. Н. Указ. соч. С. 50.
 22. Савченко С. Н. Указ. соч. С. 50–51.
 23. ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об., 23-24 об.; Д. 21. Л. 68–69; Катанаев Г. Е. Указ. соч. С. 244-245; Василевский В. И. Указ. соч. С. 20.
 24. Гинс Г. К. Указ. соч. С. 34–35.
 25. РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 5. Л. 20 об. — 23.
 26. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 361а. Л. 38; Катанаев Г. Е. Указ. соч. С. 283.
 27. РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.
 28. ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 20. Л. 14; Д. 1. Л. 124.
 29. Там же. Д. 1. Л. 123 об.; Катанаев Г. Е. Указ. соч. С. 281-282.
 30. Катанаев Г. Е. Указ. соч. С. 281, 287; ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 1. Л. 124, 9, 134; РГВА. Ф. 40016. Оп. 1. Д. 13. Л. 39, 36, 42.
 31. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 361а. Л. 50–52; Катанаев Г. Е. Указ. соч. С. 290-297.
 32. ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 20. Л. 50–54 об.
 33. Атаман Семенов. Вопросы государственного строительства: Сб. док. Чита, 2002. С. 20.
 34. ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–11 об.
 35. Русская Армия (Омск). 1919. 27, 31 мая.
 36. Аблажей Н. Н., Симонов Д. Г. Атаман Г. М. Семенов в Белом движении (1917–1945) // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах. Новосибирск, 2003. С. 63.
 37. Атаман Семенов. Указ. соч. С. 184, 186.
 38. Красный архив. 1934. № 6 (67). С. 143.
 39. Там же. С. 146, 141.
 40. Филимонов Б. Б. Указ. соч. С. 52.